

АЛЕКСАНДРА
РУЧЬЕВА

π-ПОРТАЛ

литературный конкурс

Проект особого
значения

16+

ЗАСЛОН

ЛитРес

Александра Ручьева

л-портал

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67702659

SelfPub; 2022

Аннотация

3175 год. Челябинск-Т переживает последствия ядерной катастрофы. Город практически отрезан от внешнего мира. Но власти не сдаются и приглашают специалистов для установки межпространственного портала. Иван Акимов потерял в катастрофе всю семью и чуть не потерял себя. Порталы для него – шанс начать новую жизнь. Он устраивается техником в Портальное управление и с нуля осваивает эту сложную науку.

Содержание

Пролог	4
1	6
2	9
3	20
4	27
5	35
Эпилог	45

Александра Ручьева

π-портал

Пролог

Когда-то Челябинск-Т обходился без лишних букв в имени. Пару тысяч лет назад, ещё во главе Челябинской области. Но ему не повезло. Сначала появилась Уральская республика со столицей в Екатеринбурге. Там, конечно, хорошо, но что дальше?

Москве не понравилось самоуправство, и она быстренько подмяла Урал, Сибирь, Дальний Восток и остальных под себя, но уже в обновлённом статусе. Все регионы объединились в Федерацию российских республик на равных правах. Все давно об этом мечтали.

Беда пришла, откуда ждали. Федеральное правительство решило вернуться к разработкам новых видов топлива, в том числе и ядерного. Поэтому все закрытые города теряли старые и получали новые имена с номерами. Так в Челябинской области появились: Челябинск-140, Златоуст-236 и Челябинск-170.

Чтобы главный Челябинск отличался от остальных, ему решили присвоить индекс «Т». Т – транспортный узел, ещё с тех пор, как сделали герб с верблюдом. Т – Танкоград, за-

бытое в сонме лет слово, дань памяти и традициям города.

В Челябинске-Т находилось пять стационарных порталов. Самый главный и мощный когда-то был частью памятника древнему физику-атомщику. Две высокие стелы с частями расщеплённого атома на каждой. Статуя физика давно разрушилась, а он сам даже не подозревал, какие последствия принесла его работа.

Главный портал венчал собой центральную магистраль города. Машины легко могли залететь в него и переместиться в необходимую точку. Почему только машины? Ведь горожане тоже могли там проходить, если бы хотели.

Существовало чёткое разделение порталов по назначению. В главном – транспорт. Ну а люди ютились на порталном вокзале. Четыре порталных перехода располагались на северо-западе города. Несмотря на то, что на вокзал легко можно добраться на любом общественном транспорте, путь туда был не близок и коварен. Узкий мост через бывшее водохранилище, где постоянно собирались пробки. Безалаберные водители маршрутных такси, забывающие, что везут людей, а не дрова... В общем, власти Челябинска-Т старались, чтобы их подопечные из города не уезжали. Но кто хочет— тот сделает.

1

– Система изолирована. Пожалуйста, введите код. Система изолирована. Пожалуйста, введите код...

Под аккомпанемент удалённого помощника сотрудники объединения «Сигнал» города Челябинск-140 искали выход. Во всех смыслах. Под мелодии сирены с пятиминутным интервалом люди в белых халатах пробовали. Очередной программный код, новое сочетание кнопок на пульте управления да и просто открыть дверь рубки, в конце концов. Без толку.

– Система изолирована. Пожалуйста, введите код...

Удар. Хромированная дверь сдержала натиск освободителей. За ней приглушённо застонали от боли.

Система охлаждения вновь вышла из строя. Новейшее программное обеспечение, всё на автоматике, и... Никто не хотел повторений.

Снова удар. В этот раз где-то снаружи. Неужели?

– Система изолирована. Пожалуйста, введите код...

– Да кто ж тебя изолировал, дура? – рявкнул дежурный оператор Николай, пытаюсь разобраться с сигналами на экране. Там все графики слились в картину подзабытого художника, рисующего левой пяткой. – Веня, нашёл? Не пойму, где косяк.

– Сан Саныч, доступ закрыт. Не ломается.

– Паша, давай!

– Система изолирована. Пожалуйста, введите код...

Система просила код подтверждения операции. Его зашили в программу на случай чрезвычайных ситуаций, и дежурный оператор Павел ввёл его при подозрительном отклонении температурного графика на приборной панели. Не сработало. Его коллега по смене Александр Александрович Акимов искал новые варианты кода по бумажным сменным журналам. Почему-то их не вели в электронном варианте, возможно, опасались утечки данных.

Часть журналов хранилась в архиве соседнего корпуса объединения. А бежать за ними операторам некогда. Тогда Александр Александрович вызвонил своего младшего сына Ефима, работавшего в ту смену, и упросил принести журналы.

Ефим вернулся к воющей сигнализации и заклинившей двери. Вместе с коллегами они еле-еле пробились к пульту управления. Теперь уже шестеро человек боролись с системой. А ведь Павел доложил о внештатной ситуации начальнику смены, и тот поднял весь комбинат по тревоге.

В городе объявили масштабную эвакуацию. Но поздно.

Девятнадцатого октября три тысячи сто шестьдесят восьмого года на производственном объединении «Сигнал» в городе Челябинск-140 в двенадцать часов семнадцать минут произошла радиационная авария. Взрыв ёмкости отхо-

дов производства привёл к выбросу радиоактивных продуктов на промышленной площадке предприятия. Юго-восточный ветер приближает радиоактивное облако к Челябинску-Т. Объявлен режим чрезвычайной ситуации...

Ивана Александровича Акимова новость о трагедии в Челябинске-140 настигла вечером дома. Он разогрел оставленное женой овощное рагу, включил планшет, чтобы узнать что-нибудь новое, расслабиться и сразу же забыть.

Акимов не хотел слушать местные новости, они вечно светились негативом, но упоминание «Сигнала» в теме заставило его пройти по ссылке. С каждой произнесённой журналисткой фразой из его души исчезал очередной луч света. И зачем он их отпустил повидаться с родственниками, а сам не смог поехать?

Удар. Звякнула вилка, упавшая на пол. Удар. На полу валялся стул. Ещё удар. На полу на коленях Акимов закрывал лицо руками.

Надя, любимая, его солнце... Лиза, дочка...

И враз никаких надежд не стало.

2

Семь лет спустя

– На следующей остановите, пожалуйста! – резкий голос вернул Акимова в реальность. Этот маршрут он знал так же идеально, как и русский алфавит.

Его семьдесят первый маршрутный флаер лихо лавировал среди коллег по ремеслу. Типовые стоэтажки стройными солдатами-параллелепипедами выстроились вдоль улицы Братьев Кашириных, приветствуя утренний рой машин на всех уровнях высоты транспортного потока. Северо-запад Челябинска-Т рано просыпался и разлетался по своим делам.

Акимов водил флаер по важному маршруту: из людского северо-западного муравейника пассажиры направлялись в Металлургический район – сердце промышленности Челябинска-Т. С утра народу набивалось, не протолкнуться, несмотря на просторный салон флаера.

На самом раннем рейсе тишина, все ещё досыпают десятые сны. Уже на следующем обязательно кто-нибудь заговорит то с соседом по сиденью, а то и с водителем (таких Акимов особенно не любил). А вот потом начиналась жара. Крики, ругань, попытки подраться и даже приставания, для чего у водителя никогда не было времени. Зато голова постоянно чем-то занята. И никаких мыслей о семье, вернее, о её

отсутствии. Работа-дом-работа, один выходной в неделю – Акимову нравился этот график.

В его маленькой квартирке, как раз на Братьев Кашириных, последние шесть лет сохранялась аскетичная обстановка. В комнате-кухне шкаф для одежды, другой для бумажных книг (наследство от отца и жены) и всякой мелочёвки, раскладной диван, стол и один стул. Из кухонного: старая варочная панель, холодильник и микроволновка остались из прошлой жизни. Ванная комната была настолько крохотной, что её и комнатой не назвать, так, несколько квадратов.

Когда Акимов остался один, то сначала даже не мог поверить в это. Когда ему пришло официальное письмо, плотину прорвало. Наружу рвалось что-то тёмное, мрачное, раздирающее реальность в клочья и убивающее всё живое вокруг. И понеслось.

Вино: белое, красное, розовое, элитное и дешёвое из ближайшего алкомаркета (на экспресс-доставку тогда уже не хватало). И резкий переход на традиционную водку. «Где я? С кем я?» – вопрошал Акимов каждое новое утро после попойки. Нет, поначалу находились друзья-собутельники, которые с радостью развлекались за чужой счёт. Но никакие деньги не купят человеческое тепло и душевные разговоры, и Акимов снова и снова оставался наедине с подругой-болью и огромными неподъёмными долгами.

За прогулы его выгнали с завода. Ни прежние регалии, ни даже научная степень не спасли. Проектировать детали

трубопроводов с похмелья — так себе история, а если ещё и через день, то совсем труба. Поначалу его жалели, пытались помочь, отправить к врачу, но спустя год заставили написать заявление пособственному.

Акимов даже не расстроился и, купив пару бутылок, отправился ностальгировать по юности в сквер напротив родного университета. Прозванное «Ёлками» ещё в далёком двадцать первом веке пространство походило на предшественника лишь узором плитки. С деревьями в Челябинске-Т дела обстояли так же грустно, как и у Акимова с работой. Практически все зелёные насаждения исчезли из города, потонув в километрах асфальта и показного благоустройства. Лишь немного удалось сохранить на северо-западе, и то случайно.

Выбрав симпатичную лавочку и удостоверившись в отсутствии блюстителей порядка, Акимов с комфортом разместился на очередной пикник. С собой на такие случаи у него имелся походный набор: стопка и вилка. Вилка для защиты от врагов, а то мало ли. Первую и вторую стопки он даже не заметил, а с третьей досуг становился красочнее. Под конец первой бутылки ему стало казаться, что скульптуры с крыши университета оторвались и улетели в бесконечном потоке флаеров в свободное будущее.

К концу второй бутылки ему явились Надя и Лиза. Они просто молча стояли рядом и грустно на него смотрели. В Лизиних глазах цвета моря плескались самые настоящие

слёзы. Надя обнимала её и гладила по голове. Она лишь сказала: «Пожалуйста, остановись». И они исчезли.

На следующее утро Акимов проснулся абсолютно трезвым. Он схватился за голову и лихорадочно начал составлять план действий. Сначала продал трёшку в центре и купил халупу на Братьев Кашириных. Затем раздал долги, а на оставшиеся деньги подлатал чудом сохранившийся после попок флаер и устроился на семьдесят первый маршрут.

Обычная просьба пассажирки всколыхнула столько воспоминаний и эмоций в душе у Акимова, что он даже пропустил момент прилёта на конечную остановку третьего уровня. Автопилот родимый надёжно его хранил.

Флаер постепенно заполнялся новыми пассажирами, когда Акимов услышал стук в стекло водительской кабины. Медленно обернувшись, он увидел призрак прошлого: бывшего одноклассника Костю Хейфеца. Широко раскрыв глаза и глотая воздух, как рыба на суше, он поднял разделительную завесу.

– Костик, ты как здесь? Я думал, ты в столицах обретаешься.

– Здорово, Акимыч! Сколько лет. Вот уж не надеялся тебя встретить после того, что увидел в «Ёлках» шесть лет назад. С работы я.

– Я это... – замялся Акимов, смущаясь, – тогда прозрел и теперь вот, водитель кобылы. Ты заходи в кабину, сейчас пущу. Расскажешь мне, что здесь делаешь.

Вообще, по правилам сажать посторонних в водительские кабины запрещалось. Но Акимов так обрадовался, что его в кои-то веки назвали Акимычем, а не Иваном Александровичем, что наплевал на предписания начальства. Один разочек можно.

– Чистенько тут у тебя, ничего лишнего. Непривычно даже как-то.

– Так ведь дисциплина же, – улыбнулся Акимов, – иначе штраф или страйк. Три страйка – с вещами на выход. Я приноровился за шесть лет. А ты, Кость, чем занимаешься сейчас?

– О-о, Акимыч, это будет бомба. Не-не-не, да не пугайся ты так! – Хейфец гладил ладонями воздух в успокаивающем жесте. – Я вернулся из Москвы в составе маленькой группы, занимающейся межпространственными порталами. Будем ставить портал в Че!

Акимов от шока чуть не ускорился выше положенного.

– Серьёзно? Как? Ого... Я и не мечтал уже отсюда куда-нибудь выбраться.

И действительно, сейчас перелёты и переезды из Челябинска-Т и обратно стоили целое состояние. А всё из-за новейших поездов, максимально защищённых от радиоактивного фона. Уральская республика просто не успевала поставить требуемое количество транспорта, и Челябинск-Т постепенно превращался в анклав в своей стране. Ненавидимая жителями, да и мэром (чего скрывать), буква «Т» гро-

зила выпасть из названия за ненадобностью. Транспортный узел развязывался на глазах. Но не до конца, потому что с юга ещё можно было туда добраться.

– Да. Ваш, теперь и наш, мэр прописался в Ёбурге, достал абсолютно всех и выбил право присоединения Че к сети «л-портал». Москва, конечно, возбухала, сам понимаешь, там другое государство, но таки дала добро. И вот я здесь, – торжественно произнёс Хейфец. – Я счастлив, что могу хоть как-то помочь родному городу. Ему ведь всю жизнь постоянно достаётся, то метеориты, то ГОКи, выбросы эти...

Акимов запустил автопилот и откорректировал курс флэера. За оплату проезда он не беспокоился: только безличный расчёт и запрет входа без оплаты. Ему и общаться с пассажирами без надобности, на всё есть встроенный контролёр. Просьба той женщины — очередной привет из прошлого, кажется, бесконечно далёкого и прекрасного.

– О-бал-деть! У меня нет слов... Я в шоке... Удачи вам, ребята. Буду держать за вас кулачки, – впервые за семь лет у Акимова появилась мечта: чтобы портал заработал, а он сам отправился бы куда-нибудь, не важно куда, главное, отправился.

– Спасибо, Вань. Удача нам ой как нужна. И люди. Слушай, а чего бы тебе не пойти к нам работать? База у тебя имеется, даже вон степень научная. Ты ж лучшим на курсе был! Я так рад тебя видеть. Давай контакты, я сброшу условия, и приходи. Мне нужны свои люди.

– Кость, как я могу? – неверяще залепетал Акимов. – Я уж и забыл всё. Ну так, только по флаерам консультировать если... А проектировать...

– Смотри, серьёзных задач сразу тебе никто не даст. Мы присмотримся, ты присмотришься. Авось чего и выйдет. Семь лет пропуска, конечно, не очень. Но я замолвлю словечко перед Высоковским, и вы хоть пообщаетесь. А там видно будет. Ты, главное, резюме отправь и мне скажи!

– Я попробую, Кость. А Высоковский—это кто? Контакты мои вот, на панели.

Там высветились имя, индивидуальный рабочий и личный номера водителя.

– Мой начальник и руководитель проекта. Тоже отсюда, кстати. Нас, московских уральцев, пока в команде мало, но мы дома, а это важно. Я с ним на одном форуме в Москве познакомился. Вот такой мужик! – Хейфец показал большой палец. – Сманил меня в порталное дело. Всему научил и теперь позвал снова покорять родные пенаты. О, моя остановка. Жди ссылку!

– Я живу на соседней.

– Тогда точно увидимся, пока!

В холле Портального управления Акимова встретила миниатюрная светленькая девушка по имени Соня. Она сетовала на то, что некому встречать соискателей, но резюме Ивана Александровича её заинтриговало. Сонины улыбка могла

бы зажигать свет, наверное, в любом месте, где бы она ни появлялась.

– Сергей Михайлович вас ждёт, идёмте.

– Соня, а разве сотрудники могут читать резюме? Никогда о таком не слышал.

– Конечно. У нас молодое, но сложное направление. У нас либо сразу уходят, либо остаются надолго. Мы практически как семья.

«Семья. Что это?» – отстранённо думал Акимов, когда они зашли в просторный стеклянный лифт.

– Что с вами, Иван Александрович? – забеспокоилась Соня, её огромные глаза словно стали ещё больше. – Я что-то не то сказала?

– Что вы, что вы! Я просто задумался. Не переживайте.

«Дожил. Пугаю юных красавиц своим видом. Разучился я с девушками общаться», – констатировал факт Акимов. Несмотря на год запоя, сейчас никто не давал ему больше тридцати. Хотя по факту ему в прошлом месяце стукнуло аж целых тридцать восемь лет. Лифт звякнул, прибыв на пятьдесят пятый этаж, и Соня повела его к Высоковскому.

– Надеюсь, у вас всё получится. Желаю удачи, – шепнула она на прощание и распахнула дверь в кабинет начальника.

Кабинет внезапно оказался маленьким. С две трети от площади комнаты Акимова. На стене висел огромный экран с какой-то схемой. Стол тоже как у Акимова. Даже планшет той же фирмы, только модель новее. Два шкафа. Три кресла:

одно для Высоковского, а остальные для посетителей. Акимов не ожидал, что у них окажутся настолько схожие вкусы в обстановке.

Одет Высоковский был в стандартный деловой костюм, правда без галстука, а вместо белой рубашки сквозь полы пиджака виднелась полосатая.

– Добрый день, Иван Александрович, присаживайтесь, пожалуйста, – Высоковский указал на кресло по правую руку от себя. – Константин рассказал о вас. Давайте начистоту: ваш профиль нам не подходит, даже если откинуть шесть лет водительского стажа. Скажите честно, вы хотели бы заниматься порталами?

Акимов и так без особой надежды шёл на собеседование, так ещё и прямой ответ Высоковского его обескуражил. Он чуть не забыл нужные слова.

– Эм-м... Здравствуйте... Спасибо за прямоту, – Акимов собрался. – Я мечтаю пройти через портал. И если для этого нужно будет пахать день и ночь, я готов. Я счастлив, что у Челябинска-Т появился шанс.

«Вот же пафосный придурок!» – мысленно ругал себя Акимов, сцепив ладони.

– Ещё интереснее, – Высоковский чуть улыбнулся. – Я ознакомился с вашей кандидатской, весьма недурно, кстати. Почему вы ушли с прошлой работы? Только честно.

«Приплыли», – тяжело вздохнул Акимов, решив пойти до конца.

– Семь лет назад в Озёрской трагедии у меня погибла вся семья, – он впервые говорил о горе вслух и трезвым. – Мне было трудно это пережить, и я ушёл в запой на год. Меня ценили на прежнем месте, поэтому терпели все выходки. Через год попросили написать заявление. В тот вечер я снова напился и уснул на лавочке. А когда проснулся, понял, что дальше так нельзя, бросил. Потом восстановил свой флаер и устроился водителем маршрутки. Шесть лет не пью.

– Эвона как... Мои соболезнования, Иван Александрович. Понимаю вас... – медленно проговорил Высоковский. – С флаером это вы молодец. Я вас беру. Техником с испытательным сроком. Сейчас у нас четырнадцатое мая. Четырнадцатого августа, в мой день рождения, сдадите мне экзамен на знание теории перемещений. Практики-то у вас будет навалом. Сделайте мне подарок, сдайте экзамен. Благодарю за беседу, всего доброго.

И Высоковский уткнулся в планшет. Проямлив: «До свидания, Сергей Михайлович!», Акимов на ватных ногах покинул кабинет. Не успел сделать и пары шагов, как на него налетели Костя с Соней.

– Ну? – хором крикнули они.

– Взяли... – прошептал Акимов, не веря своему счастью. – Пожалел он меня...

Костя затряс друга, как яблоню, словно желая добыть с неё побольше плодов.

– Ты что! – воскликнула Соня. – Сергей Михайлович ни-

кого не жалеет. Он всё про тебя понял. Поздравляю!

Она улыбнулась и радостно хлопнула в ладоши. А счастливый Костя, казалось, радовался больше друга:

– Ух, Акимыч, шикарный портал сделаем! И ещё, и ещё!

А Акимов стоял как древний богатырь, пробудившийся от затажного сна.

3

Иван Александрович Акимов, техник Портального управления Челябинска-Т, задумчиво прохаживался вдоль экрана на величину с лист ватмана, на котором школьники двадцатого века рисовали стенгазеты. И хоть ватманом и другой бумагой уже давно никто не пользовался, вспоминали о них постоянно. То ли ностальгия, то ли желание вернуться на несколько сотен лет назад, когда деревья были большие и росли повсеместно, а самой серьёзной проблемой считалось опоздание на последний автобус в город. Экран повесили так, чтобы все сотрудники могли увидеть, что на нём творится, – вдруг кто-нибудь захочет поделиться идеей или позвать на мозговой штурм.

Под отдел портального оборудования отвели помещение бывшей химической лаборатории. Бесконечновысокие потолочные своды с установленными системами освещения и климат-контроля кружили голову, стоило только засмотреться вверх. После тесной кабины флаера Акимов чувствовал, будто вырвался на свободу и вот-вот полетит. Всё вокруг блестело новизной: зеркальные поверхности рабочих экранов и столов, светло-серый пол с системой самоочистки (роскошь для Челябинска-Т), даже дверные ручки архивных шкафов, доставшихся в наследство от лаборантов. Зал словно кричал: «Вперёд в порталы!» А за широкими окнами

в бледно-жёлтой дымке кипел город, даже не подозревая о грядущих переменах.

На экране светилась очередная схема порталного перехода. В зале кроме Акимова никого не было, и только жужжание системы климат-контроля нарушало тишину. На более тихую вентиляцию не хватило денег, приходилось терпеть и радоваться, что хотя бы об этом тоже позаботились.

Рабочий день давным-давно закончился, а коллеги на-верняка готовились перезагрузиться после тяжёлой смены в киберсне. Но Акимов упорно не хотел домой. Будучи самым неопытным в команде порталщиков, он ежедневно восполнял пробелы в знаниях. Два-три часа самообразования, шесть дней в неделю, а в выходной и все восемь часов упорной учёбы. Техник хотел стать лучшим и верил в силу знаний. Это единственное, что у него осталось помимо работы.

Акимов открыл общую схему федеральных порталов. Москва, Петербург, Ростов-на-Дону, Пятигорск, Нижний Новгород, Екатеринбург, Новосибирск и Владивосток соединялись единой сетью в кольцо. Столицы республик, всё как полагается. Он до сих пор не мог себе представить, как мэр убедил республиканское и федеральное правительства на эту авантюру. И он, Ваня Акимов, причастен к большому делу.

А завтра экзамен по теории перемещения, и на нём надо быть во всеоружии. Что спросит Высоковский? Вдруг себе-

рут комиссию? А если не сдал, что тогда? Много вопросов без ответов. Акимов подзабыл, как это делать, но ничего, выплывет.

Акимов открыл на рабочем экране свой проект. Мини-портал для пешеходов. Можно использовать как между городами, так и внутри. Захотел, например, с Братьев Кашириных попасть в центр – шагнул в портал, и на месте. Красота. Но до неё ещё доработать надо. А пока...

«Расчёт потребляемой энергии портала в зависимости от его объёма». Портал «Памятник Курчатову», высота двадцать семь метров. Энергия подаётся по доработанным проводам освещения половинок расщеплённого атома только по всей высоте. Допустимая погрешность: одна десятая килоджоуля. Источник питания: ТЭЦ-4.

Акимов считал, считал и считал. И не сходилось. По всему получалось, что если запустить объект, то город останется без света. Что изменить теперь? Как бы техник ни бился над задачей, решения не находил. Он так увлёкся, что не заметил, как уснул.

– А может, в шкафу его запрём? – прошептал мягкий женский голос.

– А он туда поместится? – усомнился мужской.

– Саша же помещался, чего Ваня не поместится? Хоть отдохнёт нормально...

– Добрая ты, Соня, заботливая... Только будить его на-

до, пока остальные не пришли, мало ли, – тихо отвечал мужской голос, уже громко обращаясь к почти проснувшемуся Акимову: – Акимыч, просыпайся! Народ через десять минут придёт, а ты тут лежишь!

– И не выключил ничего. Штраф будет... – забеспокоилась Соня.

– М-м-м, хм... привет ребята. Я это... вчера засиделся, – Акимов постепенно возвращал себе способность соображать, – энергию считал. Мы город-то не обесточим, Кость? – обратился он к злостному разрушителю своего сна.

– Ты бы лучше о штрафе за невыключенные на ночь лампы подумал, – назидательно произнёс Костя, поправив на переносице очки, которые он носил для солидности, несмотря на отличное зрение. – Не обесточим, не бойсь.

– Так, ребятки, работа не ждёт, – прервала зарождающий спор коллег Соня. – Успеете и посчитать, и поговорить.

Она была права. Как раз порог зала пересекал Сергей Михайлович Высоковский. Он всегда рано появлялся на работе – сказывалась многолетняя привычка. А сегодня у него ещё и день рождения. И день экзамена Акимова.

– Коллеги, доброе утро! Иван, через двадцать минут жду. И не опаздывай, у меня мало времени. Сегодня совещание по выбору места для первого портала.

Высоковский быстро прошёл мимо открывших рты Сони, Хейфеца и Акимова. Последний окончательно проснулся и вытянулся во весь рост по стойке смирно.

– Удачи, Вань! Буду держать за тебя кулачки, – улыбнулся ему Соня.

– А я – материть, – хохотнул Хейфец.

– Спасибо, ребят. Полейте мой цветочек, пожалуйста.

С цветком у Акимова вышла странная история. Раньше у них в доме за растениями следила Надя, она держала много фиалок разных цветов. В тяжёлый год цветы зачахли, а потом технику даже не приходило в голову их заводить, всё-таки в Челябинске-Т с зеленью беда. Но Акимов как-то в подъезде встретил соседку по этажу бабу Валу с тяжёлыми сумками. Он помог ей донести их до квартиры, а в благодарность она решила подарить ему два горшка с геранью: синей и красной.

– Бери, милоч. А то много их мне. Зато придёшь домой, и глаз радуется.

Две герани дома для Акимова слишком, и он оттащил горшок с красной на работу. Коллеги настороженно отнеслись к новому жильцу рабочего зала. Саня Фокин, его непосредственный руководитель, даже пытался приклеить к нему прозвище «Садовник». Не прижилось. И герань алым костром горела на окне возле рабочего стола техника.

Акимов медленно плёлся в кабинет начальника. Он чувствовал, что вернулся в студенческие времена, когда преподаватели внушали священный ужас на экзамене. Ещё бы, от их встречи зависели его дальнейшая карьера и даже судьба. Он так привык к Управлению, к ребятам. Всего их работало

тридцать пять человек вместе с начальником. И тяжело будет с ними расставаться, если он провалится.

– Сергей Михайлович, готов к сдаче экзамене! – отгарабанил Акимов.

– Заходи, солдат! Общаться будем. Чего делал три месяца? Гонял тебя Фокин?

– Гонял. Учил я теорию перемещений, потом в лаборатории установки помогал собирать. Мы даже в порталный теннис играли...

– Это как это? Кто разрешил? – грозно спросил Высоковский.

– Так это, мы ж проверяли установку и гоняли мяч через порталы. Поначалу от первого только половинка осталась. А потом подкрутили и заработало! Я даже руку один раз туда просунул, и ничего с ней не стало.

– Понятно всё, хорошая практика. Что ещё?

– А ночью я считал наш будущий портал. У меня получилось, что много энергии уйдёт на него... Как бы чего не вышло.

– Есть идеи?

– Может, фильтр какой нужен для распределения и выделения потоков. Тогда и портал функционирует, и город в свете.

– Отличная мысль. Вот ты этим и займёшься. Покажи наработки Фокину, Хейфецу. И работайте. Всё, иди.

– Погодите, я остаюсь? – Акимов не верил своему сча-

стью. – А как же теория перемещений и экзамен?

– Да остаёшься, иди уже. Повысим тебя до инженера и придумаем, что ещё можно будет сделать. Всё, мне пора на совещание. Дуй отсюда.

Забыв поздравить босса, новоиспечённый инженер выбежал за дверь и не останавливался, пока не достиг своего рабочего места. Он запрыгал вокруг стола и плевать, что коллеги смотрят. Ведь он остаётся!

4

В Комитете дорожного хозяйства Челябинска-Т было шумно и людно. Словно в улей засунули горящую палку. По коридорам носились чиновники всех рангов и мастей, а гул голосов нарастал по крещендо. Давненько такого администрация не слышала, со времён Озёрской трагедии. Круги по воде от этого камня до сих пор не угасли.

Сегодня на повестке дня стоял всего один вопрос: где размещать первый портал? Строить ли отдельное здание или сойдёт что-то другое? Как это повлияет на жизнь в предполагаемом районе? И так и далее.

Глава Комитета Сергей Ильич Олейников устал. С самого утра звонки, поручения, переговоры... И люди, люди, люди. Вот чего им дома не сиделось? Придумали же много лет назад роскошный формат видеоконференций, а сейчас вообще эпоха голограмм. Но нет, надо лично прийти, «засвидетельствовать почтение». Надоели. Радовало одно: никаких бумаг. А то читал он, сколько предшественники их изводили. Ведь если собрать все бумажные документы и деньги, то смело можно строить новый город. А Олейникову было не до того: тут вон цивилизация в Челябинск-Т явилась.

Когда решался вопрос, устанавливать ли портал в городе, глава Комитета голосовал против. Нет портала – нет проблем. На баланс ничего ставить не надо, поддерживать в ра-

бочем состоянии тоже. Горожане со своими поездками что-нибудь придумают. Обходились же флаерами. А аэропорт восстановят, конечно.

Но республиканские власти решили: порталу быть. И Челябинск-Т стал первым нестоличным городом, куда добралась порталная сеть. Олейников смирился. И, как всегда, влился в новое течение риторики Екатеринбурга. Он умело подстраивался под настроения вышестоящего начальства.

Так в Комитете появилось Портальное управление. Из всех подчинённых Олейникову ведомств именно оно организовывало ежедневную головную боль. То им программы новейшие поставь, то лаборатории наладь, видите ли, «моделирование работы портала только на компьютере не даёт корректных данных». А ведь у Олейникова другие дела есть. Контроль за маршрутными флаерами, например, а то развелось их всюду, а налоги не платят. Вернее, платят только официально, в обход главы Комитета. Нехорошо.

Олейников закрыл глаза и откинулся на спинку кресла. Через час большое совещание, где выберут место для портала. Только бы подальше от Администрации. Жил он как-то в Москве в гостинице рядом с ним, никак не мог уснуть от постоянных переходов. Решил предложить либо промзону на северо-востоке, либо Тополиную аллею. А сейчас и подремать можно. Хороший у него всё-таки кабинет: и окно во всю стену, и потолки высокие. А за окошком месяц май в разгаре. Горожане словно выползли из нор и полетели кто

куда. Сами всё решили без административных нянь. Красота. Какой хороший сон. Был.

Но не судьба была Олейникову отдохнуть перед совещанием. Он проснулся от резкого звука коммутатора. На экране высветилось серьёзное лицо помянутого начальника Портального управления Высоковского. «Принёс же чёрт», – думал чиновник, впуская подчинённого.

Тёзку глава Комитета недолюбливал ещё с юности. Они вместе учились в университете, но подходы к получению образования практиковали разные. Высоковскому легко давались точные науки, а ещё он пропускал пары только по болезни. А вот Олейников похвастаться ни тем, ни другим не мог. И если с учёбой худо-бедно справлялись оба, то у девушек успехом пользовался Высоковский, а с этим будущему коллеге смириться было трудно.

– Доброе утро, Сергей Ильич! Я тут подумал, а не пообщаться ли нам перед совещанием?

– Доброе утро, Сергей Михайлович! Неожиданно вы нагрянули... – Олейников медленно кивал, пытаясь бодриться. – Что же вас привело?

– Вчера мне звонил Рябов из Свердловского управления. Очень переживал из-за сегодняшнего совещания. Ведь в итоге-то первый контакт мы с ними устанавливать будем...

– А что ему до места? – нервно перебил Олейников, подзревая, к чему клонит Высоковский. – Им в Екатеринбурге вообще должно быть без разницы, где у нас разместится

станция. Куда он лезет?

– Есть же федеральный порталный регламент, там всё прописано. Забыли? – слегка улыбнулся Высоковский. – До Рябова дошли слухи, будто мы хотим обойти регламент и поставить портал на отшибе. А мы ведь не хотим?

– Почему сразу на отшибе? Есть вариант с Тополиной аллеей. Вполне доступно и удобно.

«Рябов – проныра. Везде свой нос суёт. И кто накапал? Надо разобраться. Позвонить бы, да Высоковский тут до совещания, видимо, собрался ошиваться. Эдак забабахают станцию в центре, кому хорошо будет?» – лихорадочно соображал Олейников, пока его размышления бесцеремонно не прервал начальник управления.

– Отличная мысль, Сергей Ильич. У нас же проект порталного вокзала для пешеходных пассажиров именно на Тополинке. Вы утвердили его, забыли? А сегодня утром письмо пришло из республиканского управления с приложением от федеральных властей. Там указано несколько желательных объектов размещения. Обсудим? Видел вас в рассылке, подумал, а не выработать ли стратегию? – подмигнул Высоковский.

«Так-так-так, письмо... Утром что-то приходило с отметкой высокой важности. Хотел глянуть перед совещанием. Зачем он припёрся? Нехорошо. Ладно, разберёмся», – успокаивал себя Олейников, методично сканируя почтовый ящик.

– Давайте выработаем, Сергей Михайлович! – натянуто улыбнулся глава Комитета, открыв и наскоро просмотрев письмо. – Памятник Курчатову, площадь Революции? Что?! Они там сдурели совсем? Это ж самый центр!

– Сергей Ильич, федеральный регламент...

– Плевать я на него хотел, – Олейников закипал как древний чайник советской эпохи, который вот-вот засвистит. – Эти федералы задолбали. И так по их указке спим и дышим. Вот и получили Озёрск в шестьдесят восьмом. А жить-то когда? То Федерация веселится, то Республика...

– Сергей Ильич, я не...

– Да понятно всё, – вздохнул Олейников, понимая, что проиграл неначавшийся бой, – памятник выберут. Вы, Сергей Михайлович, что выбираете?

– Памятник. Отличная площадка, университет рядом, и весь наш Челябинск будто приглашает...

– Ну-ну, потише, Высоковский. Не замечал за вами романтичности. Идёмте, переживём этот катарсис побыстрее.

«Поскорей бы всё это закончилось. Тёзке надо скромнее быть. Вот запустим эту бандуру, отстанет. Устал, пора в отпуск, куда-нибудь на Кавказ, на воды. А то с этими порталами и иже с ними нервы ни к чёрту», – успокаивал себя Олейников. Он давно думал отдохнуть, но, видимо, не в ближайшие полгода. Порталы, блин.

В большом зале Администрации, как и в Комитете дорож-

ного хозяйства, было шумно. Узнав о теме совещания, нагрянули даже те чиновники, которые работали удалённо на постоянной основе. Шутка ли, первый портал в городе! Да ещё и как объект федерального значения.

Даже с метро такого не было. Как и самого метро, напоминанием о котором служили ржавые железные ворота с традиционной буквой «М» посередине в одном из дворов в центре. Зачем их оставили? Кто их знает. Потомкам не до метро. Разве что как памятник безалаберности и лени.

Олейников с Высоковским умудрились явиться за десять минут до священнодействия. А как ещё назвать собрание со стопроцентной личной явкой всех городских и областных чиновников? Народ медленно рассаживался по залу согласно размеченным местам. Пока не пришёл мэр, можно и погудеть о своём насущном.

Олейников уже не чаял перехватить кого-нибудь из соседних ведомств для беседы. Он апатично наблюдал за игрой света огромной хрустальной люстры на потолке, где через блестящие многогранные серьги был нарисован симметричный узор. Узор походил на солнце, которое нечасто гостило в Челябинске-Т. «Лучше на море поеду, – рассуждал Олейников. – Тепло, светло, спокойно и никаких порталов». Конечно, он лукавил. В столице Южной республики Ростове-на-Дону имелся большой стационарный портал. Эта громадина и мешала спать Олейникову во время командировки. Но теперь он смирился. И решил, что зря сопротивлялся неиз-

бежному. Новое— это же к лучшему, так?

Коллеги загудели ещё громче, когда на трибуну поднялся мэр. Градоначальник Челябинска-Т Юрий Семёнович Лазарев, вопреки стереотипам, за тридцать лет политической карьеры не утратил ни энтузиазма, ни жажды свершений. То был высокий, энергичный, крепкостроенный мужчина с жилистыми руками, выдававшими человека физического труда. Лазарева в городе уважали. Он стал первым за более чем тысячу лет выбранным мэром и благодарил челябинцев за эту возможность. Он добился-таки в республиканском правительстве права присоединения города к портальной сети. А ещё он мечтал избавить Челябинск от дурацкой приставки «Т», ведь профиль города упирался не только в транспорт.

– Добрый день, уважаемые коллеги! – поприветствовал собравшихся мэр. – На повестке дня у нас всего один, но очень важный вопрос. Место размещения первого портала. Сегодня утром мы получили письмо из республиканского управления с конкретными предложениями, основанными на федеральном регламенте. Нам предложили выбрать из двух мест: памятник Курчатову и площадь Революции.

По залу заседаний зашелестели шепотки. Для кого-то письмо явилось полной неожиданностью, и лишь немногие, как Олейников и Высоковский, молча ожидали. Оно, конечно, удобно, когда решение принимают за тебя, но, с другой стороны, и выбора хочется тоже. Правда, горожане не выбирали. И жители Челябинска-140 тоже. На Олейникова вне-

запно нахлынули воспоминания рокового шестьдесят восьмого года. Тогда он узнал, что остался единственным кормильцем в семье и что никогда уже не сможет порыбачить на Большом Кисегаче с обоими старшими братьями. Как иронично: трагедию назвали Озёрской по старому имени города.

– Выношу на голосование, – мощный баритон Лазарева набатом ударил в тишине.

На планшетах высветились специальные формы с фотографиями и прочей справочной информацией. Хотя она никому не пригодилась – чиновники хорошо знали центр города.

– И с результатом семьдесят один на двадцать девять процентов побеждает памятник Курчатову. Первый портал Челябинска-Т разместится там. Об испытаниях установки будет объявлено дополнительно. Давайте успеем к юбилею города в следующем году. Совещание закончено.

– Я так и знал, – констатировал факт Олейников. – Пора бы мне отпуск отгулять, пока жара тут с вашими делами не началась.

И, подмигнув Высоковскому, почти вприпрыжку удалился из зала заседаний.

Семь месяцев спустя

Памятник Курчатову в своё время стал прекрасным завершением проспекта Ленина. Широкая улица разгоняла поток и будто приглашала пролететь между двух колонн памятника. Раньше там ещё стоял сам Курчатов, но после Озёрской трагедии вандалы разбили его фигуру. Не об этом, наверное, мечтал учёный, когда номерной Челябинск стал причиной катастрофы.

Когда Акимов, Хейфец и Фокин прибыли на место, там уже суетились дежурные порталные сборщики. С половинок расщеплённого атома свисали провода, которые лениво шевелил ветер. У подножия колонн развернули установку с пультом управления и контроллером перехода.

– М-да, кто там написал картину «Не ждали»? – почесал затылок Фокин. – Думал я, что они хотя бы подключатся.

– Репин написал, но ты не бывшим ссыльным заключённым сюда приехал, а руководителем группы, – пожал плечами Хейфец. – Вот и руководи.

Пока коллеги перепирались, Акимов медленно направился к будущему portalу. Он сомневался, выдержит ли камень их манипуляции, мало ли. Хотя для подготовки места проделали огромную работу.

Сначала преобразовали площадку вокруг: положили но-

вые большие каменные плиты, предусмотрев место для кабины управления порталом, выровняли подходы. Колонны зашили в параллелепипеды из высокопрочной стали. Сооружать стены поверх основы пока не стали: их необходимость проверят на испытаниях. Затем конструкции пропитали специальным составом с электролитами для обеспечения проводимости. Обновлённый памятник блеснул серебром на фоне пёстрой спортивной площадки.

– А с кем портал сопрягать будем? – Акимов обернулся к коллегам.

– Со столицей, с Екатеринбургом, с кем же ещё, – улыбнулся Фокин. – Зачем Москве какой-то Челябинск-Т? Хотя и туда придётся, видимо, прокладывать пути, если с первым заладится.

Инженеры направились к пульту управления, который мигал всеми цветами, какие можно достать. Красный, синий, жёлтый, зелёный и белый – отличная гамма для работы. Пульт чем-то походил на профессорскую кафедру: достаточно высокий, чтобы опереться локтями, и с уклоном. Разве что чуть-чуть шире. Стулья обещали поставить, когда процессы устаканятся.

– Здорово, мужики! – тянул руку для приветствия главный настройщик Михаил. – Тут ситуация. Фильтр ваш стопорит напряжение, до атома не доходит. Посмотрите, а. Может, эти лодыри чего не так собрали. По нашей части всё путём, пульт функционирует, сигналы подаёт. Ёбург, правда,

задолбал: быстрее-быстрее. Мы и так почти не выбились из графика.

– Показывай, – вздохнул Фокин и принялся руководить.

Когда сняли заднюю панель пульта, перед инженерами явилось удручающее зрелище: перепутанные провода, висящие на них (или на соплях) блоки. Сам фильтр нашёлся где-то за Гордиевым узлом. Акимову очень хотелось выдрать оттуда все провода и отхлестать нерадивых сборщиков.

– Путём, говоришь? – Фокин медленно обернулся к Михаилу. – Не работает, значит? Это что такое? Ты как пульт принимал?! Где контролёры? Почему не доложили?

– Мы это... я не знал. Не я принимал. Я на тот день отгул брал, – пролепетал Михаил. – Аграфена за меня оставалась...

– На других-то не перекладывай. А проверить, когда вернулся? Кто подпись ставит в акте? Аграфена, что ли?

Сама упомянутая барышня крутилась возле правой колонны, помогая убирать провода. По ней и не скажешь, что настраивает порталы: русая коса до пояса, мягкая женственная фигура, в одежде только юбки и платья, что совершенно ей не мешало. Акимов всегда удивлялся, как она с ними со всеми управляется.

– Грунь, подойди, поговорить надо, – окликнул её Фокин и обратился к Михаилу: – Отключай питание, отсоединяй всё и фильтр доставай.

– Добрый день, Александр Викторович. Звали? Случи-

лось чего? – нараспев произнесла Аграфена.

– Грунь, вот скажи, ты пульт принималау сборщиков? Миша тут на фильтр жалуется, а как вскрыли, то всё кувырком. Так и до пожара недалеко.

– Я принимала. Они его закрытым сдавали. Только внешний осмотр, запуск и всё. Я ж не включала на полную мощность. А других указаний и не было.

– А давайте виноватых искать потом будем? – подал голос Хейфец. – Всё равно пульт разбираем. Кто на смене был, потом проверим. Миша, ты достал?

– Да щас я, щас...

Из недр пульта на коленях задом наперёд выползал Михаил. Акимов, из уважения к возрасту, подхватил его и помог встать. Михаил потянулся и отдал фильтр инженеру.

– Замечаний к внешнему виду нет. Должен работать, – заключил Акимов.

– Я тогда сам пойду подключать, – вызвался Хейфец.

– Смотри у меня, Миша. Проверю, и если узнаю, что ты недоглядел, премии лишу, – Фокин зло посмотрел на настройщика.

– Закрывайте! – крикнул Хейфец. – Пора запускать уже.

– По местам! – скомандовал Фокин.

Сборщики, суетившиеся возле колонн, разбежались врассыпную. Их работа была закончена. Фокин встал подальше и чётко напротив портала, чтобы контролировать процесс. Аграфена и Михаил подошли к пульту на всякий случай.

За сам пульт встал Акимов, а Хейфец по видеосвязи вызвал Екатеринбург. Пока все суетились вокруг пульта, возле портала собралась толпа. Как раз у студентов выпал получасовой перерыв между парами, чего бы не поглазеть?

– Екб, привет! Мы готовы.

– Привет, Челябин! – в Екатеринбурге им отвечал штатный оператор Руслан. – Запускайтесь и сразу присылайте координаты для сопряжения.

Фокин махнул, и Акимов дрожащей рукой провернул стартовый ключ. Решили использовать традиционные технологии запуска, модернизировать ещё успеют. Все замерли в ожидании.

Небольшой гул нарастал, и на приборной панели отобразился ход процесса. Энергия постепенно повышалась и напитывала колонны. Она поднялась до половинок атома, и между ними заискрило. Неяркие, но мощные по своей силе искры закружились в сумасшедшем танце.

Акимов чувствовал каждую клеточку тела. Он ждал этого момента, боролся за любую возможность внести свой вклад в испытание. И вот он здесь. А искры тем временем раскрутились настолько быстро, что начали создавать полотно. Портальное полотно. Искрящий цилиндр выкатился в широкую белую ленту, которая заполонила всё пространство. У них получилось.

Фокин выдохнул, а толпа за пределами площадки взорвалась криками и аплодисментами.

Хейфец передавал координаты Руслану, а тот выстраивал сопряжение. Координаты Екатеринбурга вбивали заранее. Акимов молча смотрел на сверкающую стену и не верил своим глазам.

– Есть сопряжение! – крикнул Хейфец. – Давай!

И Акимов дал. Нажал кнопку и выстроил коридор, который ещё предстояло опробовать.

– Сань, что дальше? – спросил он у Фокина. – Что сегодня пробуем?

Фокин быстро подбежал к пульту и сказал:

– Я мячи принёс, волейбольные. Давайте поиграем Че против Екб?

– Идея классная, но как бы к нам половинка не прилетела, – засмеялся с экрана Руслан.

– Обижает. Ну, я пошёл, чего тянуть.

И Фокин, практически как бабуля, с огромной сетчатой авоськой отправился к их новому детищу. Достал первый мяч, стукнул его о стену и подал прямо в портал. «Удар отменный, хоть в олимпийскую сборную», – восхитился Акимов. В Екатеринбурге мяч вылетел через три минуты с маленькой дырочкой.

– Челябин, токи проверьте. У нас всё в норме.

За следующий час наладили зрелищный процесс. Фокин подавал, Руслан принимал. Акимов с Хейфецем и Михаилом регулировали. Толпа поддерживала.

Остался всего один мяч, а Фокин уже устал.

– Кость, давай поменяемся. У тебя рука лёгкая.

Хейфец взял мяч, встал на позицию и подал так, словно всю жизнь это делал. Мяч улетел, приземлился на плитку площади 1905 года и так бодро поскакал дальше, что Руслану пришлось бежать за ним.

– Ну и подача у тебя, Костян! – восхищённо проговорил он. – Целый! Лови!

И мяч вернулся целый. Толпа взревела. Притихшая Аграфена расплакалась на плече у Михаила. А все остальные бросились обнимать Хейфеца. Они настолько разгорячились, что пару раз подбросили его в воздух.

– А человек когда пойдёт? – пытался докричаться до Фокина Акимов.

– Погоди, ещё весь комплекс испытаний не завершён. После него обязательно.

Весь март Акимов изводил начальство: «Можно я пойду? Я хочу». Что Высоковский, что Фокин отмахивались от него, как от надоедливой мухи. То один, то другой уезжали в мэрию. «У них там посменная работа, что ли?» – удивлялся инженер, а Хейфец лишь разводил руками.

Акимов торопился. Ему вдруг захотелось прыгнуть. Или в ничто или в новый мир, пусть даже им станет город в двух сотнях километров севернее. И возвратиться домой, обернувшись, сделав круг. Надя и Лиза порадовались бы за него. Акимов решил во что бы то ни стало добиться права перво-

проходца.

По вечерам вместо работы он прилетал на стадион возле портала и бегал. Подтягивания, отжимания, даже подъём переворотом у Акимова получался. Правду говорили древние, что в здоровом теле – здоровый дух, ещё бы воздух посвежее, было бы вообще идеально.

Однажды на стадионе Акимов встретил Соню. Та разминаясь возле лестниц. Он невольно залюбовался её тонкой фигуркой, чего не случилось с ним целую вечность.

– Привет, коллега! Ты как здесь? Ни разу тебя не видел.

– Ой, привет, Ваня! – вздрогнула Соня. – Люблю иногда потренироваться, переключиться.

– И я. Хочу первым из Челябинска порталом пройти. Тренируюсь...

– Я верю в тебя. Пробежимся? Догоняй! – крикнула Соня и выбежала на дорожку.

Акимов бросился в шуточную погоню. Они не соревновались, просто бежали. С каждым шагом ближе к себе, к своему счастью.

16.05.3176

Акимов стоял и смотрел на портал. Происходящее казалось ему прощальным сном. Когда нечего терять, должно же быть всё равно, так? Но боялся.

«Страх – это нормально, – наставлял Высоковский. – Сосредоточься на цели. Да, мы сейчас не можем рассчитать ко-

личество шагов. Это нормально. Всегда есть риск. Ты, как учёный, понимаешь. Вперёд».

Кандидатов в первопроходцы было трое: Фокин, Хейфец и Акимов. «Три мушкетёра», как их ещё называли. Остальные семеро посыпались на технике безопасности. Высоковский хотел их уволить, но вовремя вспомнил, что в договоре прописан запрет на это до введения портала в эксплуатацию.

Фокин снялся с соревнования, потому что «ещё успеет». А Хейфец с Акимовым, понимая, что их шансы равны, разыграли по классике «Камень, ножницы, бумага». И никто их не осудил.

Акимову повезло, и теперь он следовал к мечте. «Я сильный, я справлюсь», – мантрой звучало в его мыслях. Он один, и никого нет рядом.

Шаг, второй... Серебристая стена портала. Ещё шаг: он внутри и отделён от городов белой дымкой. По телу пробежали миллиарды токов, всё... Снова шаг, и...

Яркое солнце слепило глаза так, что Акимов на секунду испугался, что потерял зрение. Он зажмурил глаза и шагнул на ощупь. Почувствовал под подошвой брусчатку, в Челябинске такой нет.

– Добро пожаловать в Екатеринбург – столицу Уральской республики! Вы прибыли на площадь пятого года. Температура воздуха составляет восемнадцать градусов, – возвестил Руслан и крикнул: – Открывай глаза, ты в Ёбурге!

Акимов открыл глаза и ошалел: огромная площадь, за

спиной размахивает руками Ленин, так ещё и Руслан стиснул его так, что тяжело дышать. Карета скорой помощи, дежурящая неподалёку, сейчас пригодилась бы. А вот народу на площади было столько, сколько в обычный будний день. Дышалось легко.

– Пойдём, поздороваешься со своими. Потом померяем давление, и назад. А может, чайку или чего покрепче? – предложил Руслан.

– Чай в следующий раз, погнали по протоколу, – и Акимов по видеосвязи, как космонавт, рапортовал о состоянии здоровья, погоде и внутренних ощущениях.

Маленький шаг инженера, командная работа и большой прорыв для Челябинска-Т. Надежда вернулась.

Вернулся Акимов героем. Сам Лазарев долго тряс его руку, постоянно повторяя: «Теперь забабахаем сеть!» Всегда сдержанный Высоковский, похлопав инженера по плечу, даже пустил слезу. Толпа схватила Акимова и несколько раз подбросила в воздух, пока у того не закружилась голова.

У них получилось.

Эпилог

Три года спустя

Челябинский муравейник просыпался. Солнце только карабкалось на небо, а с парковок уже вылетали флаеры. Город оживал.

Третья весна после запуска Главного портала принесла новый подарок: долгожданный порталый вокзал на Тополиной аллее. Четыре перехода для пеших туристов. Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск и Ростов-на-Дону, от которого до моря рукой подать.

Челябинск-Т больше не чувствовал себя отрезанным от мира. Последствия аварии ещё долго будут аукаться, но люди запомнили свои ошибки. И пытались на них учиться.

Погожим июньским днём из ростовского портала вышла бабуля. Помимо цветастой сумки на колёсиках, она бережно несла в руках два саженца: сосны и берёзы.

– Баб Валь, привезли? – высокий мужчина принял у бабули сумку.

– Да, Ваня. Возле дома посадим. Даст бог, вырастут.